

дел ехавшего на извозчике покойного Владимира Соловьева: «Перед видевшим распахнул шубу Владимир Соловьев, показал себя и крикнул с извозчика: “Конец уже близок: желанное сбудется скоро”» [2, с. 351]. А сам Соловьев сидит в это время на Девичьем Поле на лавочке, занесенной снегом, и оживленно беседует с другим покойником, которого называет Барс Иванович. Барс Ивановича Поливанова, директора гимназии, в которой учился автор “Симфонии”. На всю жизнь Белый сохранил любовь к этому человеку, в своих мемуарах посвятил ему не одну яркую и добрую страницу [5, с. 259–287]. Соловьев и Поливанов как учителя, близкие по духу люди, в сознании Белого стояли рядом: «Оба для нас играли огромную роль в жизни, оба для нас “учителя”, обоим нам сплетает память в нечто фантастическое: мы мифизируем их могилы» [6, с. 127]. И вот эти-то дорогие сердцу, мифологизированные покойники представлены в “Симфонии” в самом житейском виде. Они хохочут, горячо спорят между собой, гуляют по улицам, сидят на лавочке. А потом возвращаются в могилы: “⟨...⟩ в Новодевичьем монастыре среди могил, они пожалы друг другу руки, расходясь на покой” [2, с. 353], как будто старые друзья попрощались перед сном до утра.

В целом “Симфония” проникнута словом и духом Вл. Соловьева. Тревожное и радостное ожидание конца всемирной истории; Жена, Облеченная в Солнце; речи Сергея Мусатова сотканы из цитат и стилизаций цитат Вл. Соловьева и т.д. По сравнению с Ницше и Достоевским присутствие Вл. Соловьева в “Симфонии” более объемно, хотя и более расплывлено, но не менее пародийно представлено: “⟨...⟩ образ Вл. Соловьева дан в присущем Белому остроконфликтном сочетании карикатурно-комического, преувеличенно-нелепого и вместе с тем возвышенно-пророческого. Шаг от великого до смешного пройден” [6, с. 127]. Заключительную фразу можно отнести не только к изображению в “Симфонии” Вл. Соловьева, но и ко всем наиболее значимым для Белого образам, темам и мотивам, представленным именами близких друзей и кумиров. Сам Белый определил свой подход как “стиль пародии над священнейшими нашими переживаниями” [4, с. 67]. Подобное соединение священного, высокого содержания и сниженной, ироничной формы, отражающее, по определению М. Бахтина, “двойной аспект восприятия мира и человеческой жизни” [13, с. 8], имеет многовековую историю. В русле этой традиции находится “ритуальный смех” первобытных народов; смеховые, бранные мифы; “сатирическая драма”; широко распространенные в средневековой Европе и Древней Руси “*ragodia sasga*”, т.е. пародии на священные тексты; отголоски этой традиции найдем и у Ницше, и у

Вл. Соловьева, облакавшего свои мистические прозрения в контекст самоиронического повествования (“Слово увещательное к морским чертям”, поэма “Три свидания” и др.) Попытки объяснить существование пародийных, смеховых дублетов к практически всем серьезным священным обрядам, культам и текстам предпринимались не раз, и во всех этих объяснениях общим является признание того, что “серьезное” – это лишь половина, которую необходимо дополнить “второй правдой о мире” [13, с. 94] – “смеховой”, “создать смеховой и критический корректив ко всем существующим прямым жанрам, стилям, голосам, заставить ощутить за ними иную, не уловленную ими противоречивую реальность” [14, с. 424]. Нельзя не заметить, что по сути своей эта функциональная установка близка к основному положению символизма – выявить в существующей реальности другую, реальнейшую реальность, которая не дается нам в непосредственных ощущениях, а угадывается, улавливается в жизненных проявлениях. У Соловьева об этом сказано так:

Из намеков кратких,
Жизни глубь вскрывая,
Поднималась молча
Тайна роковая [15, с. 105].

Белый заставляет читателя смотреть “сквозь” пародийный текст, угадывать за ним иной, серьезный. На наличие этого иного текста и его характеристику намекает цифровое обозначение речевых отрезков, стихов, которое призвано “придать тексту особый сакральный оттенок, вызывая ассоциации с внешним обликом библейских книг” [4, с. 48], т.е. текст, скрытый за пародийным текстом, имеет священное значение. Попытаться реконструировать его значило бы огрубить, извратить идею Белого: истина, тайное знание о мире – невыразимы (“Форму принять мое чувство боится... О, как бессильно холодное слово!” Вл. Соловьев); “серьезное” – одномерно, не передает оттенков и нюансов; изложить видение напрямую – уподобиться высмеиваемым в “Симфонии” мистикам, все понимающим буквально, тем самым уравнивающим благодать и калоши, чемоданы и мистические откровения.

Священный текст должен “просвечивать через пародию”, “покрывало Майи”, манить, вызывать желание его прочитать. Посвященные и близкие по духу люди прекрасно поняли смысл и предназначение “Симфонии” Белого, которая по сути своей явилась священной книгой символизма второй волны. Блок выразил сопонимание в своей рецензии, где назвал “Симфонию” Белого “не книгой”, имея в виду, конечно, не ее пародийную сторону. Он говорил о священном тексте, еще не оформленном, не принявшем облик и статус книги, но